— Спасибо за твои действия там на стрельбище… кажется ты единственная в мире, кто может успокоить меня, чтобы я… вернулся назад… — неуклюже произнес Джоффри, усевшись возле Мирцеллы за столом в старковской столовой.

— Не беспокойся, я лишь делаю то же самое, что и с котятами, — сказала она с веселой улыбкой.

— Ага, котята… — Джоффри улыбнулся, его зеленые глаза затуманились от размышлений.

— Ну, это же пока что срабатывает, не так ли? — спросила сестра, поднимая голову.

— Конечно! Конечно… — Джоффри немедленно сдался,

— Или кто-то уже начал задавать много вопросов? — уточнил он.

С каких это пор я скатился до того, что использую десятилетнюю девочку как основного информатора… — подумал он уже кто знает в который раз, глядя на задумчивую Мирцеллу.

— Гммм, ну, я попросила Томмена никому не рассказывать, и пока он молчит… тебе в самом деле стоит поговорить с ним, — она снова начала корить его.

— Так и сделаю… позже, ладно? — заверил он ее, жестикулируя вилкой в руке, словно поощряя продолжать (к счастью… сложности со столовой утварью Старков прекратились… пока, по крайней мере).

— Тебе на самом деле стоит переговорить с ним, он до сих пор не верит, что старый Джоффри погиб… — легкомысленно добавила она, и Джоффри аж онемел; он сразу начал крутить головой по сторонам, проверяя, что бы кто-то посторонний не услышал этого.

— Прошу, будь тише во время таких разговоров, — пробормотал он.

— Все считают, что младший Старк все придумал, и что Сансе так понравилась та байка, что она сама в конце концов поверила в выдумку. Арья поддержала такое мнение, чтобы и дальше потешаться над сестрой, а Робб с Теоном ни словом не промолвились, насколько мне известно, — продолжила она, словно и не услышала его просьбу.

— Но сир Родрик обязан рассказать Неду… — Джоффри вздохнул.

— А он возможно рассказал отцу, — закончила мысль Мирцелла.

— Это объясняет сегодняшний шепот у стола родителей, — пробормотал Джоффри, слегка повернув голову набок и наблюдая за очень, очень редким состоянием Роберта, который молча ел свое блюдо, уставившись взглядом в тарелку.

Вот дерьмо… это плохо. Очень плохо.

— Я просто не понимаю, почему ты не расскажешь всем… — добавила Мирцелла, без интереса поедая свою порцию.

— Они запрут меня в моей комнате, и будут надеяться, что остальные лорды не обратит внимания на то, что один из «сыновей» короля Роберта не в своем уме… — мрачно ответил Джоффри.

— Но я верю тебе! Я помогу убедить их! — воскликнула она, ее лицо словно загорелось от рвения.

Джоффри почувствовал странное желание поворошить ее белокурые пряди волос, но он сдержал этот импульс, просто положив голову на ее плечо.

— Это было бы очень смешно, — сказал он, наслаждаясь близким контактом с кем-то, кто, как он считал раньше, никогда не сможет простить его старые грехи.

— Тебе действительно стоит поговорить с Томменом, — лениво добавила Мирцелла.

— Я же уже говорил, что в свое время… — он запнулся, увидев взгляд Томмена, что сидел напротив них вместе с Браном Старком.

Мальчик смотрел на сестру с буквально выпавшею челюстью и круглыми от удивления глазами, словно он увидел настоящую богиню.

Джоффри подавился куском пудинга, а потом сразу разразился неудержимым смехом, он уже и не помнил, когда так громко и искренне смеялся.

Томмен крутил головой во все стороны словно сумасшедший, словно ища подтверждения у окружающих вроде «кто-то кроме меня это видит?!», что конечно же заставило Джоффри засмеяться еще сильнее.

***

Конец пребывания в Винтерфелле вызвал в Джоффри смешанные чувства. С одной стороны, возвращение в Королевскую Гавань означало принятие страшной правды, которую он пытался игнорировать с самого момента воскрешения в этой жизни. С другой — это означало, что ему уже не придется избегать почти болезненного любопытства Робба и Теона.

Было еще немало дел, которыми он бы занялся с большим интересом, например поговорить с Джоном, расспросить Бенджена Старка о Ночном Дозоре, или просто провести дополнительный день в медитации под несравнимым уютом винтерфельской Богорощи (от этого на самом деле у многих возникли определенные сомнения…). Что же, время пришло, как всегда, двигаться дальше.

Он просто плыл по течению, фигурально говоря, более-менее делая именно то, что от него ожидали окружающие (или по крайней мере, то что, как он сам считал от него ожидают, разница между этими понятиями со временем становилась все менее очевидной, поэтому Джоффри наконец прекратил попытки притворяться, когда они проезжали Перешеек).

Он переживал на счет своих встреч с Сансой, полусерьезно боясь, что не сдержится и взорвется, рассказав ей все о себе в момент слабости, которые случались не раз и не два.

Он старался держать дистанцию от практически всех вокруг, кроме Тириона и Мирцеллы, двух людей, которые как-то смогли проскользнуть мимо его отрешенности в этой жизни.

Слегка искаженные видения его прошлого становились все хуже и хуже, сбивая его с толку и сводя с ума. Сопутствующие ощущения, что обычно всплывали вместе с воспоминаниями, иногда ударяли по нему со всей силы, заставляя слепо моргать, не видя солнечного света, а бывало и что заставляли сесть на землю без всяких на то причин, так как он терял контроль над собственным телом.

Все это очень надоедало… но он двигался дальше, так как поступал всегда. Мирцелла оказалась неожиданным подарком богов в этом плане. Она фактически была как мать, выслушивая исповеди о более вменяемых воспоминаниях, и держала в объятиях, когда он начинал молча плакать без, как казалось, каких-либо причин для этого, посреди ночи.

Он не знал, знали ли слуги и охранники (Мирцеллы и его собственные)… если и знали, то держали рты закрытыми.

Сандор точно был в курсе, он сам каким-то удивительным образом помог им, убеждаясь, что палатки Джоффри и Мирцеллы всегда будут стоять друг возле друга во время остановок на ночь. Джоффри не стеснялся этого.

Он потерял это дурацкое, ненужное чувство вместе с рукой и глазом, оставленными на какой-то безымянной дюне. Что же на счет вспышок слепой ярости — это действительно походило, на то что, его собственные ум и тело совместно бунтовали против него. Он каждый день мысленно благодарил Мирцеллу за успокаивающий голос, хотя и не знал, кому, какому богу или неизвестной потусторонней сущности.

Тирион, вторая опора сознания, которая помогала ему выдержать его метафорическую бурю, подошел к делу с совершенно другой стороны. Он старался изо всех сил, отвлекать принца от навязчивых мыслей, рассказывая, например, свои сногсшибательно смешные воспоминания о юности в Утесе Кастерли.

Он оформлял их как невероятную эпическую сагу, заполненную мудрыми персонажами, неожиданными сюжетными поворотами и зловещей фигурой страшного врага, деда Тайвина, что присматривал за этим всем своим знаменитым безэмоциональным взглядом и действовал через своих людей.

Джоффри действительно нравились эти рассказы…

Однако как-то ментальная терапия Тириона перешла в радикальную стадию, когда дядя стал свидетелем особенно плохой сцены.

***

— Ради Семерых, когда уже они починят ту карету?! — послышалось ворчание Джоффри из высокой травы, где он лежал, представляя себя неподвижным мешком с помидорами, нагретыми под солнечными лучами, и пытался сопротивляться невероятному по силе чувству скуки, что угрожало его здравому смыслу.

— Сколько еще времени мы должны ждать здесь, на этом жалком куске пути? — спросил он

вслух.

Бес поднялся с травы, как какой-то странный побег, стряхивая травинки с одежды, и посмотрел вверх, потом на горизонт:

— Ну, когда я в последний раз обращал внимание на небо, то солнце было на противоположной половине, — сказал он,

— Думаю, что начинаю чувствовать какую-то симпатию к нашему возлюбленному королю Роберту, — пробормотал он и обернулся к той всеми богами проклятой карете.

— Я тоже… представляешь… — Джоффри фыркнул от разочарования

— Еще раз, почему мы не поехали с ним и Недом? — спросил он дядю и уселся на землю, кусая травинку зубами,

— Видимо, они уже сожрали половину еды в королевской кухне к этому моменту… ну, по крайней мере Роберт уж наверняка, — проворчал юноша, снова лег на траву и посмотрел на Беса.

— Ты же не хотел оставлять Мирцеллу позади… хотя кое-что можно сказать и о том, чтобы часами смотреть на один и тот же кусочек неба… Я думаю, ты можешь быть чем-то вроде племянника… — сказал Тирион.

— Дядя, эта шутка устарела еще пять часов назад… Э-эх, все, я не выдержу больше, — ответил Джоффри, легко приподнимаясь без использования рук.

— Ты считаешь, что справишься там, где ничего не могут поделать опытный плотник и пять его помощников напуганные криками Серсеи?! — воскликнул Тирион, когда Джоффри пошел прямо к поломанной карете.

— Да, — отозвался тот, идя вверх пологим склоном, до дороги и проклятой кареты. Томмен и Мирцелла играли в конце каравана, и он заметил мать в окружении фрейлин; они сидели за столом на противоположной стороне дороги. Карету поместили на возвышении из нескольких крепких ящиков, мастер-плотник и запыхавшиеся помощники работали возле нее изо всех сил.

— Доброго вечера, господа, — поздоровался Джоффри и взял молоток и несколько гвоздей.

— Мой принц! — воскликнул мастер-плотник, словно только что увидел призрака… или своего палача,

— Ремонт скоро будет закончен, скоро мы поставим эту… прекрасную карету на колеса, — он врал так неумело, что Джоффри аж оскомина схватила.

— Эй, если я могу чем-то вам помочь, то я это сделаю, потому что уже схожу с ума от безделья, — сказал Джоффри, не сдерживая потока слов.

— Чтобы принц работал как обычный рабочий! — плотник аж замер от такой перспективы,

— Господи, я никогда…

— Мастер Корлис, пожалуйста, — он почти умолял его,

— Я же могу подсобить с молотком, в этом я хорош, — добавил он.

Что-то из этих слов не на шутку поразило мастера. Он неохотно кивнул, показывая рукой на одно из запасных колес:

— В это колесо нужно забить несколько гвоздей для прочности, оно нам понадобится, когда… если опять что-то сломается в пути, — проговорил он.

Джоффри слегка пригнулся, подходя к колесу:

— Я благодарен вам, мастер Корлис, — ответил он, взяв еще один гвоздь. Главный плотник каравана ничего на то не ответил, и Джоффри просто присел возле колеса, наклонился к спице и поставил гвоздя на Х-образную отметку, сделанную древесным углем.

— Ладно, это не выглядит сложным, — пробормотал он и поднял молоток вверх, волосы на затылке встали дыбом, когда он с силой ударил по гвоздю… Белый Ходок завизжал от боли, когда голова чудовища ударилась о землю от силы удара, и Джоффри зарычал, снова поднимая свою верную булаву; протез металлически блестел под лунным сиянием, и принц снова неистово ударил чудовище, отламывая куски головы лежащего Белого Ходока. Он стоял над ним на коленях, не обращая внимания на болезненный холод, который полз вверх по его ногам, и бил протезом снова и снова, разбивая голову чудовища на куски.

Джоффри поднял взгляд вверх и увидел горящие остатки того, что раньше было пусковой башней Драконьего Хора. Целую секцию стены затопила настоящая лавина вихтов и Ходоков, они добивали раненых и потерявших сознание воинов, двигаясь над телами Сто семнадцатого Железного гарнизонного, также по ходу дела вырезая последних воинов Восьмой, Двенадцатой и Семнадцатой батарей Крепости Рассвета.

— Солнечный Луч Чжон Ки! Приведи своих людей в порядок, готовимся к контрнаступлению! — прорычал Джоффри Легионеру рядом с собой.

Солнечный Луч ответил ему взглядом мертвых глаз, кровь медленно журчала из его тела, наклоненного возле стены. Иной тихо заскрипел где-то снизу, шевельнувшись под его весом. Существо как будто и не осознавала ничего, когда Джоффри снова зарычал с очередным жестоким ударом, превратив его голову в синее месиво, когда лед раскололся под булавой.

Он напряженно пытался отдышаться, опираясь рукой с булавой о пол.

Если нас победят там, то вся Внутренняя стена падет перед врагом… — думал он безнадежно, оглядываясь в Ходоков, что тройками бродили вдоль всей секции, защищая плацдарм и консолидируясь против контратаки.

Они точно знают, что должны делать… а у Джоффри нет достаточно людей, чтобы остановить их.

— Что за… — прошептал он, заметив маленький силуэт сразу позади линии Иных на стене.

— Чжан…..? — пробормотал он в замешательстве, приподнимаясь, и смотрел на маленькую девчонку, что пряталась между обломками артиллерии. Горящая здесь и там древесина подсвечивала ее испуганное лицо, но Иные почему-то до сих пор не заметили ее.

— Что ты делаешь? — тихо выдохнул Джоффри и вздохнул снова, прежде чем выплюнуть немалый сгусток крови. Маленькая сиротка ползла, зажав в руке большую деревянную ложку, которой она обычно разливала кашу легионерам, как казалось, столетия назад, держа проклятую ложку так, словно та была каким-то магическим оружием против демонов. Она продвигалась между обломками горящего дерева к поломанной баллисте, где…

Ходоки по всему периметру одновременно, как по команде, внезапно заскрипели и двинулись к ней. Однако Джун быстро встал, бросившись, как терьер, к куску дерева, что горел с одной стороны, и поднял его, словно ужас придал ей новых сил. Сразу после этого она побежала в кучу поломанных огненных копий, сваленных возле покореженой баллисты.

— ЧЖАН! НЕТ… — заорал он, делая шаг вперед, вдруг невероятно мощная взрывная волна подняла его в воздух, словно он был маленьким листочком, и отбросила назад с силой тысячи молний; правая сторона его лица, да что там, правая сторона всего тела горела в агонии. Он громко закричал, когда упал на землю, которая внезапно перестала трястись, и Джоффри откинулся на спину.

Он ничего не мог слышать из-за вездесущего звона, который поглотил в себе все остальные звуки, и попытался неуклюже поднять голову, наблюдая удивительно молчаливые силуэты легионеров и помощников мастера Корлиса, что склонились над ним и беспомощно пытались помочь.

Он попытался отползти назад: руки почти не реагировали на команды мозга, поэтому он смог лишь немножко подвинуться в сторону. Юноша прижал зажатые в ладони гвозди к щеке, надавливая на кожу, чтобы получить хотя бы какое-то ощущение от того, однако не почувствовал ничего, даже когда выступила кровь. Джоффри продолжил царапать щеку, одновременно пытаясь овладеть другой рукой, однако монотонный звон почему-то все усиливался и усиливался!

Почему я не чувствую своего лица?!

Мирцелла оттолкнула одного из помощников в сторону и присела возле него, крепко хватая ладонями его голову, даже после того, как то дикое царапанье гвоздями поранила до крови ее кожу вместо его щеки. Она и дальше держала там свои ладони, небольшая гримаса на лице была единственным проявлением того, что ей больно.

Медленно, слава богам, ощущение правой половины лица вернулись, необычный зуд переплетался с теплым чувством ладони Мирцеллы. Он перестал царапать ее и вместо этого ухватился за ее руку, как тонущий моряк за спасительную веревку.

Она застыла на месте, и тот все поглощающий звон постепенно затих, а Джоффри внезапно понял, что на протяжении всего этого времени он кричал.

Принц немедленно закрыл рот, быстро дыша через ноздри, и сосредоточился на успокающем

голосе Мирцеллы, быстро моргая, пока уровень освещения возвращался к норме, а темные тени растворились в свете.

— Дыши, — она тихо произнесла, не отводя зеленых глаз от его собственных; от того его сердце несколько успокоило свое сумасшедшее биение, судороги прекратились; и он просто лежал на земле, пока мысли в голове разбивались на куски и снова сплетались вместе.

Джоффри медленно поднялся, осторожно двигая головой из стороны в сторону, Мирцелла оторвала кусок ткани от платья и заставила его замереть на месте, перевязывая самодельной повязкой щеку.

Вдруг из-за кареты выскочила Серсея, держа в руках подол платья во время бега.

— Матушка, — пробормотал Джоффри и обнял ее, теряя силы и почти упав из-за ватных ног. Она крепко обняла его и зашептала какие-то милые глупости, глядя по волосам.

А сразу после закричала Красным Плащам.

— Что они сделали с моим сыном! — закричала она с невероятным гневом,

— Схватите их! Немедленно! — добавила она, указывая рукой на мастера Корлиса и его подмастерьев.

Красные Плащи, которые только что подбежали, обнажили мечи и направились к насмерть перепуганным ремесленникам, но прежде чем они успели добраться до них, Джоффри оттолкнул мать в сторону и вытащил свой меч и одноручную булаву, преграждая путь стражникам.

— Спрячьте свои мечи! — приказал он, держа меч в высокой стойке, а булаву — в нижней, почти лениво возле правой ноги. Красные Плащи застыли на месте, нервно глядя то на булаву, то на меч.

Умные ребята — подумал Джоффри, отдавая им должное, и слегка сжал пальцы на рукояти булавы.

— Немедленно, будьте добры, — обратился он учтиво; слабость в теле почти мгновенно изменилась на кристально чистую решимость, а тело словно кричало, требуя боя.

Значительная часть сознания практически умоляла их начать атаку, умоляла так, как никогда ранее в жизни, когда сама реальность в его глазах казалась еще более реальной, как будто он был слепцом и впервые открыл глаза.

Стражники постояли в ступоре еще с две секунды, а затем начали прятать мечи в ножны и неуклюже отошли, пока Серсея, плотники да и в общем все очевидцы этой ситуации застыли в замешательстве.

— Спасибо, — сказал он, также пряча свое оружие, чувствуя неожиданное разочарование.

— Прости, матушка, — продолжил Джоффри, помогая потрясенной Серсее удержаться на ногах,

— Плотники ни в чем не виноваты, понимаешь? — добавил он и вытер толику грязи с ее платья. Королева промолчала, и Джоффри двинулся к сестре.

— Извини, Мирцелла, — сказал он и осторожно коснулся уже перевязанной ладони, однако она отошла назад и хитро улыбнулась.

— Томмен царапается больнее! — окликнула девочка, возвращаясь к своему ошеломленному младшему брату. Джоффри просто склонил голову и пошел к краю дороги, слегка покачиваясь, словно в хмеле, где в траве лежал Тирион, допивая вино из меха; дядя выглядел в общем довольный зрелищем. Он видимо понимал, что вмешательство во всю эту ситуацию ничего не изменит.

— Племянник, тебе нужно переспать с женщиной, — произнес он таким тоном, словно только что провозгласил глубокую, древнюю мудрость.

Джоффри просто молча посмотрел на Беса, прежде чем забрать винный мех из рук дяди. Арборское золотое еще никогда так хорошо ему не нравилось.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/2006306